

Закон и Власть

I

„Когда невежество господствует в обществе, а беспорядок царит в умах, новые законы нарождаются с каждым днем. Люди ждут всего от законодательства, и каждый новый закон является новым разочарованием; они требуют от закона того, что должно исходить от них самих, чего можно ждать от их воспитания, от состояния их нравов”. — Приведенные строки принадлежат не революционеру, даже не реформатору. Это слова Dalloz, автора сборника французских законов, известного под названием „Répertoire de la législation”. Эти строки, написанные составителем и поклонником законов, характеризуют как нельзя лучше аномальное состояние нашего общества.

В современных государствах на новый закон смотрят, как на верное средство от всех бедствий. Вместо того, чтобы самим преобразовывать все, признанное негодным, требуют издания закона, предписывающего реформы. Стала ли непроходимой дорога между двумя деревнями, — крестьянин требует издания закона о проселочных дорогах. Обошелся ли грубо с кем нибудь лесной сторож, оскорбленный требует издания закона, предписывающего вежливость лесным сторожам. Замечается ли застой в торговле или земледелии? „Нам нужны покровительственные законы”, говорят земледельцы, скотоводы и спекуляторы на хлебе. Даже старьевщик требует закона, охраняющего его жалкую торговлю. Понизит ли хозяин заработную плату, увеличит ли он число рабочих часов, — „нужен закон, который положит конец этому произволу!” — кричат депутаты вместо того, чтоб внушить рабочим, что есть простое и верное средство „положить навсегда конец этому произволу”: — отобрать у хозяина все, что он отнял у целых поколений рабочих. Словом, везде закон! Закон о проселочных дорогах, закон о способах производства, закон о бешенных собаках, закон о добродетели, закон, как преграда всем порокам, всем бедствиям — этим плодам человеческой беспечности, малодушия и подлости!

Мы все до того испорчены воспитанием, которое с раннего детства убивает в нас всякое стремление к свободе и самостоятельности и развивает поклонение авторитету и подчинение власти, до того развращены нашим существованием под ферулой закона, регулирующего все: наше рождение, наше воспитание, развитие, любовь, дружбу, — что, если это будет продолжаться так дальше, мы потеряем всякую инициативу, всякую способность мыслить самостоятельно и свободно. Наше общество не способно понять, что можно жить при ином режиме, чем режим закона, выработанного представительным правительством, применяемого горстью правителей; когда ему удастся освободиться от ига старого режима, оно спешит провозгласить новую власть, новых правителей. „Год I Свободы” просуществовал не более дня; провозгласив свою независимость, народ сейчас же стал искать нового ига Закона и Власти.

Вот уже тысячи лет, как наши правители твердят нам на все лады: „Уважайте закон, подчиняйтесь власти!“ Отец и мать воспитывают детей своих в поклонении этим принципам. Школа стремится их утвердить и доказывает их необходимость, убивая в детях способность к самостоятельному и свободному мышлению и давая им лишь специально подобранные, жалкие обрывки знания; поклонение закону она возводит в культ, подчинение требованиям учителей — в религиозные обряды. Героями она считает тех, кто беспрекословно подчиняется закону и охраняет его от посягательства всех свободных людей.

Когда ребенок вступает в жизнь, общество и литература непрерывно, подобно капле, долбящей камень, продолжают внедрять ему тот же предрассудок. Книги по истории, политической экономии и общественным наукам дышат тем же уважением к закону; даже естественные науки они умудрились заставить служить этому фетишу. Всеми силами стараются затемнить наш разум, и все это для того, чтоб внушить нам уважение к этому пресловутому закону. Газеты преследуют те же цели; вы не найдете в них ни одной статьи, где бы не проповедывали поклонения закону, хотя бы на следующей же странице констатировали всю бессмысленность этого закона и показывали, как смешивают его с грязью те, которые призваны его охранять. Рабское подчинение закону стало добродетелью; я думаю, не найдется ни одного революционера, который не был бы в молодости ярким защитником закона против так называемых „злоупотреблений“, этих естественных и неизбежных следствий самого закона.

Искусство вторит науке. Герой скульптора, художника и музыканта защищает своим щитом закон и, вдохновенный, с горящими глазами, готов пронзить всякого, посмеявшегося посягнуть на его святыню. Закону воздвигают храмы, посвящают верховных жрецов, коснуться которых не смеют даже революционеры. Да и революция, разрушая в своем могучем потоке пережитки прошлого, старается законом санкционировать свое дело.

Все эти правила, завещанные нам рабством, крепостничеством, феодализмом и королевской властью и именуемые Законом, заменили те каменные чудовища, которым приносились человеческие жертвы и к которым поработенный язычник не смел прикоснуться из страха перед громами небесными.

Культ закона воцарился со времен французской революции, с момента усиления буржуазии. При старом режиме мало говорили о законах; только Монтескье, Руссо и Вольтер стремились противопоставить их причудам королевской власти. Каждый должен был подчиняться капризам короля и его лакеев под угрозой быть брошенным в тюрьму или повешенным. Но во время и после революции адвокаты, достигшие власти, употребили все усилия, чтоб утвердить этот принцип, на котором они думали построить в будущем свое господство. Буржуазия приняла его, как якорь спасения, как плотину от надвигающегося народного потока. Церковь поспешила санкционировать его, чтоб спасти свою ладью, готовую погибнуть в волнах этого могучего потока. Наконец, народ согласился принять его, видя в нем некоторую гарантию от произвола и жестокостей прошлого.

Надо перенестись в XVIII век, чтоб понять отношение народа к закону. Надо проникнуться всеми ужасами и жестокостями, которые творились в ту эпоху всемогущими аристократами,

их издевательством и надругательством над простым народом, чтоб понять магическое влияние на простолюдина слов „равенство перед законом, подчинение закону, без различия происхождения и состояния”. С простолюдином обращались до сих пор хуже, чем со скотом; он не мог добиться суда или защиты и, доведенный до исступления возмутительными поступками аристократа, убивал его из мести, и платился за это головой. Закон, в теории по крайней мере, признавал равенство аристократа и простолюдина в их личных правах. Каков бы ни был этот закон, он обещал одинаково относиться к аристократу и простолюдину, он провозглашал равенство перед судом богатого и бедного. Мы знаем теперь, что это обещание было ложью, — но в ту эпоху оно было шагом вперед, некоторой уступкой справедливости. Вот почему, когда буржуазия была в опасности, её спасители, Робеспьеры и Дантоны, основываясь на трудах философов буржуазии, Руссо и Вольтеров, провозгласили „почитание закона равного для всех”. Народ, истощенный продолжительной и кровавой борьбой, видя перед собой хорошо организованного противника, пошел на компромисс. Он подставил шею под ярмо Закона, чтоб избавиться от произвола случайных господ.

Буржуазия с тех пор усердно эксплуатирует этот принцип. Закон и представительное правительство вот все, что дала философия XIX века — этого века буржуазии. Буржуазия проповедывала свою философию в школах, создала свою науку, свое искусство; она всюду вводила закон, как ханжа суеверие свои молитвы. Её усердие и энергия довели народ до того, что в момент пробуждения своего сознания, стремясь к свободе и уничтожению всякой власти, он обращается к своим правителям с просьбой поддержать его преобразованием законов, созданных этими же самими правителями.

Но за последнее столетие настроение умов сильно изменилось. Все чаще и чаще встречаются люди, которые отказываются подчиняться Закону, если им не выяснять каково его происхождение, есть ли в нем необходимость, откуда взялось обязательство признавать его и подчиняться ему. Надвигающаяся революция — „Революция”, а не простое восстание, уже потому что в наши дни восставшие подвергают своей критике все основы современного общества и прежде всего тот фетиш, которому оно поклоняется, — Закон.

Они анализируют происхождение закона и убеждаются, что в его основе лежат или бог — это создание стихийного страха дикарей, — или кровавая победа, достигнутая огнем и мечем. Они изучают характер закона и убеждаются, что отличительная черта его — неподвижность, косность, а не эволюция, между тем как человечество развивается непрерывно. Они пытаются узнать, чем поддерживается закон, и перед ними предстают ужасы византизма, жестокости инквизиции, пытки средних веков, цепи, палица, топор палача, темные подземелья тюрем, страдания, стоны, плач и проклятия. В наши дни — все то же: топор, ружье, веревка и тюрьма. С одной стороны, заключенный, посаженный подобно дикому зверю в железную клетку, доведенный до полного упадка умственных и нравственных сил, с другой — судья, лишенный всякого человеческого чувства, живущий в мире юридических фикций, посылающий людей на гильотину с сладострастием и холодным спокойствием сумасшедшего, не сознающий даже, до какого падения он дошел.

Перед нами целое племя законодателей, издающих законы, не отдавая себе отчета в том, что они делают, вотирующих закон о санитарном состоянии городов, не имея ни малейшего понятия о гигиене, издающих приказы о вооружении войск, не зная ни одной системы

ружей, обсуждающих реформы по народному образованию и воспитанию, не будучи в состоянии дать порядочного воспитания своим собственным детям. Но, издавая законы вкривь и вкось, они никогда не забывают придумать наказания для голышей, точно и определенно решить вопрос о тюремном заключении, ссылке на каторгу и преследовании тех, которые не подчиняются их требованиям. Перед нами тюремщик, идущий верными шагами к потере всякого человеческого чувства, жандарм, дрессированный не хуже гончей собаки, сыщик, любующийся своими деяниями, донос возвеличенный в доблесть, разврат, возведенный в систему. Самые гнусные стороны человеческой природы, самые низкие пороки поддерживаются и поощряются для торжества Закона.

Мы видим все это, и вот почему, вместо того, чтоб бессмысленно повторять старую формулу: „Уважение к закону“, мы говорим — „Презрение к закону и ко всем его атрибутам!“ Гнусные и трусливые слова: „Подчинение закону“, мы заменяем словами: „Отрицание всяких законов и восстание против них!“ Вспомните злодеяния, совершенные во имя закона, взвесьте добро и зло, принесенное им, — и вы увидите, что мы правы.

II

Закон появился сравнительно недавно; целые века человечество жило, не имея никаких законов, ни писанных, ни даже высеченных на камнях, в виде изображений, при входе в храмы. В ту эпоху отношения между людьми определялись обычаями и привычками, строгое следование которым вселяло к ним уважение. Каждый, с раннего детства, приобретал привычку исполнять их наравне с умением добывать себе пищу охотой, скотоводством и земледелием. Все человеческие общества прошли через эту примитивную фазу, да и теперь большая часть человечества не имеет писанных законов. Мелкие племена до сих пор руководствуются своими обычаями, у них есть свое „обычное право“, как говорят юристы, свои социальные привычки, и этого вполне достаточно для поддержания хороших отношений между членами отдельных деревень, племен и общин. То же самое происходит и у культурных народов; вне больших городов взаимные отношения между жителями устанавливаются не по писанным законам законодателей, а по старинным обычаям, получившим право гражданства. В России, Италии, Испании и даже в большей части Франции и Англии, крестьяне не имеют никакого представления о писанном законе. Они сталкиваются с ним только при своих сношениях с государством; для взаимных же отношений, иногда очень сложных, они пользуются старинными обычаями.

Изучая обычаи первобытных народов, мы замечаем, что их порождают два совершенно различных течения.

Вследствие того, что человек живет в обществе, в нем вырабатываются чувства и привычки, необходимые для сохранения общества и размножения расы. Без социальных чувств, без стремлений к солидарности, совместная жизнь была бы невозможна. Их создал не закон: они существовали раньше всяких законов. Их провозгласила не религия: они предшествовали какой бы то ни было религии и встречаются у всех животных, живущих обществами. Эти чувства и стремления развиваются сами собой, в силу необходимости, подобно тем привычкам животных, которые называли инстинктами; они являются плодами

естественной эволюции и поддерживают общество в его борьбе за существование. Дикари перестают поедать друг друга и приходят к заключению, что им выгоднее приобщиться к какой-нибудь культуре, чем сохранить за собой право раз в год полакомиться человеческим мясом. Среди племен, вполне независимых, не признающих ни законов, ни властей, убийства из за разных пустяков становятся все реже и реже, так как привычка к совместной жизни выработала в них некоторые чувства братства и солидарности. Гостеприимство первобытных народов, уважение к человеческой жизни, чувство взаимной ответственности, храбрость и сострадание, доходящая до самопожертвования, — все эти качества развиваются у человека помимо законов, независимо от религии, как у всех общественных животных. Эти чувства и привычки не присущи человеку (как это утверждают священники и метафизики), а являются естественным результатом жизни в обществе.

Но на ряду с этими обычаями, без которых немыслима жизнь обществ и сохранение расы, в человеческих ассоциациях зарождаются еще другие стремления, страсти и желания, а следовательно, и другие нравы и обычаи. Стремление господствовать над себе подобными и подчинять их своим желаниям, стремление захватывать продукты труда у соседних племен, стремление поработать людей, заставлять их работать и производить все необходимое, чтоб самому предаваться наслаждениям и праздности, — вот что порождает другое эгоистическое течение, которое отразилось в наших нравах и обычаях. Священник, — этот шарлатан, который эксплуатирует невежество народа и, освободившись сам от суеверного страха перед дьяволом, стремится внушить его другим, и воин — этот храбрец, подстрекающий других к нападениям и грабежу, чтоб самому захватить как можно больше добычи и рабов, употребили все усилия, чтоб подчинить себе первобытные общества и распространить те обычаи, которые должны были обеспечить им господство над массами. Пользуясь беспечностью, малодушием, страхом и инертностью толпы, они сумели упрочить те обычаи, которые служат и теперь исходным пунктом их господства.

Для этого они особенно усердно эксплуатировали рутинный дух, присущий человеку и достигающий поразительного развития у детей, диких народов и животных. Человек, зараженный суеверием, боится всяких новшеств и поклоняется всему старому. Наши отцы придерживались таких то взглядов, они прожили свой век, воспитали нас и были более или менее счастливы; следуйте их примеру!” — говорят старики молодым людям, когда эти последние стремятся ввести какая-либо преобразования. Неизвестное их страшит; они цепляются за прошлое даже если в этом прошлом нет ничего кроме нищеты, угнетения и рабства. Надо заметить, что чем человек несчастнее, тем больше он боится изменить свое положение из страха стать еще несчастнее. Луч надежды и тень благосостояния должны посетить его убогую хижину, чтобы он стал стремиться к лучшему, критиковать свою прежнюю жизнь и жаждать перемен. До тех пор пока надежда не зародится в его душе, пока он не освободится от опеки тех, которые ловко эксплуатируют его суеверие и страх, он предпочитает не изменять своего положения. Как только молодежь пытается ввести какая-либо преобразования, старики бьют тревогу и восстают против новаторов. Любой дикарь предпочтет умереть, чем отступить от обычаев своей страны, так как с раннего детства ему внушали, что малейшее отступление от установленных обычаев принесет ему несчастье и станет причиной гибели всего его племени. Да и в наши дни сколько политических деятелей, экономистов и, якобы, революционеров поддаются тому же страху и цепляются за уплывающее прошлое. Сколько пылких новаторов ищут прецедентов и стремятся слепо

копировать предшествующия революции.

Этот дух рутины, порожденный суеверием, малодушием и трусостью, во все времена был могучим оружием в руках угнетателей; в первобытных обществах священники и военнo-начальники ловко эксплуатировали его, стремясь увековечить те обычаи, которые могли обеспечить им власть над племенами.

Пока начальники могли держать в своих руках власть над народом, ловко эксплуатируя консервативный дух его; пока естественные неравенства между людьми не увеличились в десять и даже в сто раз благодаря концентрации власти и капитала — не было нужды в законе и поддерживающих его судах и наказаниях.

Но когда общество разделилось на два враждебных класса, из которых один хотел установить свое господство, а другой стремился избежать его ига, между ними завязалась борьба. В наши дни победитель старается закрепить совершившийся факт, сделать его неоспоримым, святым и почитаемым, пользуясь всем тем, чему поклоняются побежденные.

Закон появляется на сцену; его санкционирует священник, а воин предоставляет к его услугам свой меч. Закон стремится утвердить обычаи, выгодные для господствующего меньшинства, а военная сила берет на себя обязанность поддерживать полное подчинение закону. Эта новая функция является в руках военных новым орудием для утверждения их власти; они уже не грубая военная сила: они защитники Закона.

Но если Закон представлял бы собою сборник предписаний, выгодных только для господствующих классов, то он не был бы принят, и никто не подчинился бы ему. Вот почему законодатели положили в основу своего кодекса оба течения обычаев, о которых мы говорили: принципы морали и солидарности, выработанные совместной жизнью, и положения, санкционирующие неравенство. Обычаи, необходимые для существования общества, ловко совмещены в этом кодексе с принципами, выгодными для господствующих классов и требуют к себе одинакового уважения со стороны народа. — „Не убивай!“ говорит кодекс и „плати священнику“, сейчас же прибавляет он. — „Не воруй“, говорит кодекс и вслед за этим: „Если ты не заплатишь налога, тебе отрежут руку“.

Вот каков Закон; свой двойственный характер он сохранил и до сих пор. Его происхождение — стремление господствующих классов увековечить обычаи, искусственно навязанные народу для своей выгоды. Его характер — ловкое совмещение обычаев полезных для общества — обычаев, которым не нужен закон, чтоб их почитали, — с обычаями, которые предоставляют все выгоды господствующим классам, вредны для масс и исполняются лишь под страхом пыток.

Закон, так же как и частный капитал — этот плод обмана и насилия, развившийся под покровительством Власти, — не имеет права на уважение. Рожденный насилием и суеверием, установленный в интересах священника, победителя и богатого эксплуататора, закон должен быть уничтожен в тот день, когда народ захочет разорвать свои цепи.

Мы в этом убедимся, изучая в следующей главе позднейшее развитие Закона под покровительством религии, власти и современного парламентского режима.

Мы видели, что закон произошел из установившихся обычаев и привычек, и что он представлял из себя с самого начала ловкое совмещение общественных обычаев, необходимых для сохранения человеческой расы с другими обычаями, навязанными теми, кто эксплуатирует в свою пользу народные суеверия и право сильного. Этот двойственный характер Закона определяет его дальнейшее развитие у культурных народов. Но между тем, как сущность обычаев общественных, записанных в Законы, претерпевает в течение веков лишь медленное и незначительное изменение, — другая часть обычаев быстро развивается в пользу господствующих и в ущерб угнетенных классов.

Только от времени до времени удается вырвать у господствующих классов какой-нибудь закон, который представляет или, вернее, должен представлять некоторую гарантию для обездоленных. Но этот закон только и делает, что уничтожает предшествующий, изданный исключительно в интересах — господствующих классов. „Лучшими из законов, говорит Бокль, были те, которые совершенно уничтожили предшествующие законы“. Но скольких нечеловеческих усилий, каких потоков крови стоило уничтожение каждого из тех институтов, при помощи которых господствующие классы держат народ в железных цепях. Чтоб уничтожить последние остатки рабства и феодальных прав, чтоб сломить силу королевской камарильи, Франция должна была пережить четыре года непрерывной революции и двадцать лет войны. Чтоб отменить самый ничтожный из несправедливейших законов, завещанных нам прошлым, нужны десятки лет ожесточенной борьбы; да и то, эти законы исчезают только в эпохи революций.

Социалисты уже много раз выясняли нам, каков генезис Капитала и доказывали, что он плод войн, грабежа, рабства, крепостничества, обмана и современной эксплуатации. Они показали, как он был вскормлен кровью народа, и как он понемногу покорила весь мир. Они должны теперь дать нам историю генезиса и развития Закона.

Народная мысль, как всегда, опередила уже кабинетных ученых; она создала философию этой истории и поставила её основные вехи.

Придуманный, чтоб охранять плоды грабежа, захвата и эксплуатации, Закон прошел через те же фазы развития, как и Капитал. Эти близнецы шли рука об руку, питаясь страданиями и нищетой человечества. Их история почти одна и та же во всех странах Европы. Стоит только бросить беглый взгляд на развитие Закона во Франции или Германии, чтоб ознакомиться в общих чертах с фазами его развития почти во всех европейских странах.

Вначале, Закон был договором или национальным контрактом. На Марсовом поле войска и народ принимали этот контракт; Майское поле примитивных коммун Швейцарии является памятником той эпохи, несмотря на изменения, которому оно подверглось благодаря вмешательству буржуазной и централизующей цивилизации. Конечно, этот контракт не

всегда являлся добровольным соглашением; богатый и сильный уже в ту эпоху стремились подчинить все своей власти. Но тогда они встречали сопротивление своим завоевательным попыткам со стороны народных масс, постоянно напоминающих им о своей силе.

По мере того, как церковь и сеньор поработали народ, право издавать законы ускользало из рук всей нации и переходило в руки привилегированных. Церковь расширяла свои права; поддерживаемая богатствами, скопившимися в её несгораемых сундуках, она все больше и больше вторгалась в частную жизнь и под предлогом спасения душ налагала свои руки на труд рабов; она взимала налоги со всех классов общества и расширяла свою юрисдикцию; она умножала число преступлений и наказаний и обогащалась на счет совершенных преступлений, так как все штрафы стекались в её сундуки. Законы перестали считаться с национальными интересами: „они, казалось, издавались собором религиозных фанатиков, а не законодателями“, замечает один из специалистов по истории французского права.

В то же время сеньор расширял свои права и распространял свою власть на земледельцев и городских ремесленников; он стал судьей и законодателем. В X веке единственными источниками публичного права служили трактаты, определяющие повинности, барщину и подати рабов и вассалов сеньора. Законодатели той эпохи — это шайка разбойников, которые организовывались для грабежа и угнетения народа, который становился все более и более миролюбивым по мере того, как он предавался земледелию. Они эксплуатировали для своей выгоды чувство справедливости, присущее всем народам; они захватили в свои руки судебную власть, обратили проведение принципов справедливости в источник дохода и издавали законы, которые должны были служить оплотом их господства.

Эти законы, собранные и классифицированные законоведами, и легли в основу наших современных кодексов. И нам еще предлагают уважать эти кодексы — это наследие священника и барона?

Первой революции, революции Коммун, удалось уничтожить лишь некоторую часть этих законов. Хартии освобожденных коммун были по большей части компромиссом между сеньоральным или епископским законодательством и новыми взаимоотношениями, зарождавшимися в недрах самой Коммуны. Но какая разница между теми законами и нашими современными законами! Коммуна не позволяла себе заключать в тюрьмы и посылать на гильотину своих граждан ради государства; она ограничивалась тем, что изгоняла всех вступивших в заговор с врагами Коммуны. Большею частью, так называемые „преступления и проступки“ она облагала штрафами; в Коммунах XIII века признавался тот вполне естественный и забытый теперь принцип, что вся Коммуна отвечает за проступки каждого своего члена. Общество того времени смотрело на преступление, как на случайность или несчастье — таков и до сих пор взгляд русского крестьянина, — не признавало личной мести, проповедуемой библией, и понимало, что вина за каждый проступок падает целиком на все общество. Потребовалось все могучее влияние византийской церкви, перенесшей на Запад утонченную жестокость восточных деспотов, чтобы ввести в обычаи галлов и германцев смертную казнь и пытки; потребовалось все влияние римского гражданского кодекса, этого продукта разложения императорского Рима, чтоб ввести начала неограниченной земельной собственности и уничтожить коммунистические обычаи первобытных народов.

Мы знаем, что свободные Коммуны должны были погибнуть: они сделались добычей королевской власти. По мере усиления королевской власти право законодательства сосредоточивалось в руках горсти царедворцев. Обращались к народу только для санкционирования налогов, назначенных королем. Парламенты, сзываемые на расстоянии двух веков по капризу двора, „экстренных советов“, „заседаний нотаблей“, где министры едва выслушивали „жалобы“ королевских подданных, — вот их законодательные органы. Позже, когда вся власть сосредоточилась в руках одного лица, провозглашавшего „Государство — это я“, — „в тайниках королевского совета“, в зависимости от минутной фантазии министра или короля-самодура фабриковались различные указы, которым под страхом смерти должны были покоряться все подданные. Судебные гарантии были уничтожены, народ стал рабом королевской власти и горсти царедворцев; применялись самые ужасные наказания: колесование, сжигание на кострах, четвертование и всевозможные пытки, — продукт больной фантазии монахов и буйно-помешанных, находящих наслаждение в мучениях своих жертв, — вот что появилось на сцену в ту эпоху.

Великая революция положила начало уничтожению законов, завещанных нам феодализмом и королевской властью. Разрушив некоторые части старого здания, революция передала законодательное право в руки буржуазии, которая в свою очередь начала воздвигать новое сооружение законов, предназначенных стать основой и поддержкой её господства над массами. В своих парламентах буржуазия издает бесчисленное множество законов, и груды бумаг накапливаются с невероятной быстротой. Но что, в сущности говоря, представляют из себя эти законы?

Большая часть из них имеет целью покровительствовать частной собственности, т. е. накоплению богатств путем эксплуатации человека человеком; они стремятся открыть капиталу новое поле для эксплуатации, санкционировать новые формы, которые принимает эксплуатация по мере того, как Капитал захватывает все новые и новые отрасли человеческой жизни: железные дороги, телеграф, электрическое освещение, заводскую промышленность, литературу, науку и т. д. Остальные законы преследуют ту же цель; они поддерживают правительственную машину, которая гарантирует Капиталу эксплуатацию и захват всех богатств. Судебная власть, полиция, армия, народное просвещение, финансы — все служит одному и тому же богу: Капиталу, все стремится облегчить эксплуатацию рабочего капиталистом. Проанализируйте законы, изданные за последние восемьдесят лет, — и вы убедитесь в этом. Защитники Закона говорят, что его миссией является ограждение прав отдельных лиц, но, в сущности говоря, в нашем законодательстве это ограждение занимает последнее место; в современном обществе нападения на отдельных лиц из личной мести или жестокости заметно исчезают. Теперь убивают большей частью ради грабежа, а не из личной мести и, если число подобного рода преступлений уменьшается с каждым днем, то мы этому обязаны, конечно, не законодательству, а гуманитарному развитию нашего общества и его социальным привычкам. Пусть завтра уничтожат все законы, ограждающие права отдельных лиц, пусть перестанут преследовать за подобные преступления, и число покушений, внушенных личной местью или жестокостью, несколько не увеличится.

Нам возразят, может быть, что за последние пятьдесят лет было издано достаточное количество либеральных законов. Но стоит только вникнуть в сущность этих законов, и мы

поймем, что они только отменяют законы, завещанные нам варварством предыдущих веков. Все либеральные законы, все радикальные программы могут быть выражены словами: уничтожение законов, ставших помехой даже для самой буржуазии, и возврат к свободе коммун XII века, распространенной на всех граждан. Уничтожение смертной казни, суд присяжных для всех „преступлений” (суд присяжных, более либеральный чем современный, существовал в XII веке), выборная магистратура, право предания суду чиновников, упразднение постоянного войска, свобода собраний, свободное обучение, словом, все, что приписывают современному либерализму, является возвратом к свободе, существовавшей до тех пор, пока церковь и король не наложили своих цепей на человечество.

Покровительство эксплуатации, — прямое в издании законов о праве собственности и косвенное в поддержке государства, — вот сущность современных кодексов, вот главная забота дорого-стоющих уловов нашего законодательства. Но пора перестать обмениваться фразами и дать себе отчет в том, что из себя представляют в действительности законы. Законы, которые были вначале сборником обычаев, необходимых для охранения общества, — стали теперь исключительно орудием для поддержки эксплуатации и господства праздных богачей над трудящимися массами. Культурная миссия Закона теперь сведена к нулю, единственным его назначением является поддержка эксплуатации.

Вот что нам говорит история развития Закона. Неужели мы должны поклоняться одному имени Закона! Конечно, нет! Он не имеет права на наше уважение, так же как и капитал, этот продукт грабежа. Революционеры XIX века должны будут первым делом предать ауто-да-фе все существующие законы, как они это сделают с документами на собственность.

IV

Изучая миллионы законов, которые тяготеют над человечеством, мы видим, что они могут быть разделены на три главных категории: покровительство собственности, покровительство правительству, покровительство отдельным лицам. Анализируя эти три категории, мы приходим к следующему логическому и необходимому заключению: бесплодность и вред Закона.

Что касается покровительства собственности, социалисты хорошо знают, какова ей цена. Законы о праве собственности не гарантируют ни отдельным индивидуумам, ни обществу пользования продуктами их труда. Напротив, они отнимают у производителя часть его производства и закрепляют за некоторыми привилегированными ту часть продуктов, которую эти избранные похитили у производителей или у общества. Когда закон утверждает права данного лица на какой-нибудь дом, он утверждает его право не на хижину, построенную им самим, и не на дом, воздвигнутый им с помощью нескольких друзей, — никто не стал бы оспаривать у него этого права. Закон утверждает права этого лица на дом, который не является продуктом его труда, во-первых потому, что его строили те, которым он не уплатил всей стоимости их работы, и во-вторых потому, что этот дом представляет собой общественную ценность, которую он не мог бы произвести один: закон утверждает права этого лица на часть общественного достояния, принадлежащего всем и никому в частности. Стоимость дома всецело зависит от того, заброшен ли он где-нибудь в

Сибири или стоит в центре большого города; здесь он приобрел ценность благодаря труду нескольких десятков поколений, которые основали этот город, украсили его, снабдили водой, газом, красивыми бульварами, построили университеты, театры, магазины, железные дороги и всевозможные пути сообщения. Признавая права данного лица на какой-нибудь дом в Париже, Лондоне или Руане, закон — несправедливо — отдает ему в собственность часть продуктов труда всего человечества. Именно потому, что такое присвоение является вопиющей несправедливостью (все остальные формы собственности носят тот же характер), пришлось для его утверждения противопоставить здравому смыслу человечества и чувству справедливости, присущему всем людям, целый арсенал законов и многочисленную армию солдат, полицейских и судей.

Половина наших законов, — гражданские кодексы всех стран, — имеют целью способствовать этому присвоению, поддерживать эту монополию нескольких избранных в ущерб всему человечеству. Три четверти дел, разбираемых в наших судах, это ссоры между монополистами — ворами, делящими добычу. Большая часть наших уголовных законов преследует ту же цель: они стремятся удержать рабочего в состоянии полного подчинения хозяину и способствуют эксплуатации.

Но нет ни одного закона, который брал бы на себя обязанность гарантировать производителю продукты его труда. Это настолько просто и естественно так вошло в нравы и привычки человечества, что закон даже не подумал об этом. Открытый грабёж с оружием в руках немыслим в наше время; люди труда не отнимают друг у друга продуктов своего труда; в случае каких-либо недоразумений, они обращаются не к закону, а к содействию третьего лица; если кто-нибудь и решается присвоивать продукты чужого труда, то это именно хозяин — собственник, который предъявляет свои права на львиную долю. Что же касается человечества вообще, оно и без специальных законов всегда признавало и уважает право каждого на продукты его труда.

Все эти законы о правах собственности, составляющие целые томы и изданные на радость нашим адвокатам, преследуют одну единственную цель: покровительство несправедливому присвоению монополистами продуктов труда всего человечества, и потому они не имеют никакого *raison d'être*; социалисты-революционеры твердо решили освободиться от них в день революции. С полным сознанием своего права мы предадим ауто-да-фе все законы, касающиеся так называемых „прав собственности“, все документы на собственность, все архивы, — словом все то, что имеет отношение к этому институту, который, подобно рабству и крепостничеству прошлых веков, является позорным пятном в истории человечества.

Все, что мы говорили относительно законов о правах собственности, применимо и ко второй категории законов, — к законам конституционным, к законам поддерживающим правительство.

Это целый арсенал законов, указов, предписаний и т. п., покровительствующих всевозможным формам представительного правительства, из-под ига которого стремятся освободиться все человеческие общества. Мы прекрасно знаем — анархисты неоднократно нам доказывали это беспощадной критикой существующих форм правления, — что единственной миссией всех правительств — монархических, конституционных и

республиканских, является покровительство и поддержка путем вооруженной силы привилегий имущих классов: аристократии, духовенства и буржуазии. Большая часть наших законов, — законов „основных”, законов о налогах, пошлинах, организации министерств и их канцелярий, об армии, полиции, церкви и т. д. — их наберется несколько десятков тысяч в каждой стране, — имеет единственную цель поддерживать, обновлять и развивать правительственную машину, которая, в свою очередь, заботится исключительно о привилегиях имущих классов. Вникните в смысл всех этих законов, проследите за их действиями изо дня в день, и вы убедитесь, что они все должны быть уничтожены — все, начиная от тех, которые отдали коммуны, связанные по рукам и ногам, во власть священнику, буржуа и префекту, и кончая той знаменитой конституцией (девятнадцатой или двадцатой со времен 1780 года), которая дала нам палату кретинов и грабителей, ведущую нас к диктатуре какого-нибудь авантюриста или к правлению коронованного сумасброда.

Словом, относительно законов этой категории не может быть никакого сомнения. Не только анархисты, но и все более или менее революционно настроенные буржуа пришли к заключению, что все законы, касающиеся организации правительства, должны быть преданы огню.

Остается еще третья категория законов, самая важная, так как с ней связано множество предрассудков: законы об ограждении прав отдельных лиц, о наказаниях и о предупреждении „преступлений”. Если теперь и считаются с законом, то исключительно потому, что эту третью категорию законов признают безусловно необходимой для обеспечения полной безопасности отдельным членам общества. Это те законы, которые развились из обычаев, необходимых для существования человеческих обществ и ловко эксплуатировались господствующими классами для санкционирования их господства. Власть начальников племени, богатых семейств в коммунах и короля была основана на том, что эти люди исполняли должности судей; и до сих пор, когда утверждают необходимость существования правительства, указывают главным образом на его функцию, как верховного судьи. — „Без правительства люди передушат друг друга”, говорят деревенские мудрецы. — „Конечно, цель всякого правительства, говорит Борк, дать каждому обвиняемому двенадцать честных присяжных заседателей”.

Но, не смотря на все существующие предрассудки, анархисты должны заявить во всеуслышание, что и эта категория законов так же не нужна и даже вредна, как и предшествующая.

Две трети и даже три четверти так называемых „преступлений” совершаются с целью захвата богатств, принадлежащих другому лицу. Эта категория „преступлений и проступков” исчезнет в тот день, когда перестанет существовать частная собственность.

„Но, скажут нам, среди нас есть люди — скоты, которые будут покушаться на жизнь граждан, наносить друг другу удары ножами при малейшей ссоре, мстить за пустяшную обиду убийством, если не будет законов и наказаний, чтоб их сдерживать”. Вот припев, который нам постоянно повторяют, как только мы высказываем сомнение относительно права общества прибегать к наказаниям. На это мы можем возразить следующим

установленным положением: строгость наказаний не уменьшает числа „преступлений”. Вешайте, четвертуйте, если это вам угодно, убийц, число убийств от этого несколько не уменьшится. И потому, уничтожьте смертную казнь; по крайней мере, одним убийством будет меньше. Статистики и законоведы признают, что уменьшение строгости наказаний никогда не приводило к увеличению числа покушений на жизнь граждан.

С другой стороны, хороший урожай, дешевизна хлеба, тепло, солнце — уменьшают число убийств. Статистикой доказано, что число преступлений растет пропорционально цене съестных припасов и в зависимости от хорошей или дурной погоды. Я не говорю, что причиной всех убийств служит голод. Но хороший урожай, дешевизна съестных припасов делает людей менее несчастными и более жизнерадостными; они не предаются мрачным мыслям, угрюмым страстям и не убивают из за пустяков себе подобных.

Кроме того, мы знаем что страх перед наказанием никогда не останавливал ни одного убийцу. Тот, кто решился убить своего соседа из мести или нужды, мало заботится о последствиях своего преступления; нет убийцы, который бы не верил в возможность избежать преследования. Впрочем, пусть каждый проанализирует сущность преступлений и наказаний, вникнет в их мотивы и последствия и, если он способен мыслить, не поддаваясь влиянию предвзятых идей, то он неизбежно придет к следующему заключению:

Не только в обществе будущего, где человек будет получать хорошее образование, где развитие всех его способностей и возможность их применения к любимому делу будут доставлять ему такое наслаждение, что из боязни лишиться его, он не совершит убийства, но даже в нашем обществе, с теми печальными продуктами нищеты, которые мы видим в кабаках больших городов, — число убийств не увеличится в тот день, когда наказания перестанут угрожать убийцам; возможно даже, что оно уменьшится, так как придется исключить число убийств, совершенных рецидивистами, озверевшими в наших же тюрьмах”.

Защитники власти нам постоянно говорят о благотворном влиянии закона и о целительном свойстве наказаний. Но пытались ли они когда либо сопоставить благодеяния, приписываемые закону и наказаниям, с растлевающим влиянием наказаний на человечество? Пусть они себе представляют, сколько низких страстей пробуждали в зрителях те ужасные пытки, которым подвергались преступники на наших улицах. Кто лелеял и развивал в человеке инстинкты жестокости (инстинкты, незнакомые животным и превратившие человека в самого жестокого зверя), как не король, судья и священник; вооружившись законом, они безумно терзали свои жертвы: ломали им кости, выворачивали конечности, вырезали куски мяса, заливали свежие раны кипящей смолой — и все это для поддержания своей власти и во имя закона! Пусть они взглянут в могучий поток разврата, который вносит в наше общество система доносов, поддерживаемая судьями, оплачиваемая звонкой монетой правительства, под предлогом раскрытия преступлений. Пусть они пойдут к заключенным и посмотрят, чем становится человек, лишенный свободы, в развращающей атмосфере наших тюрем; пусть они поймут, что, чем больше преобразовывают наши дома заключения, тем они становятся отвратительнее и что современные образцовые тюрьмы действуют более растлевающим образом, чем подземелья средневековых замков. Пусть проследят за развратом мысли, поддерживаемом в нашем обществе идеями подчинения, — этой основой Закона, — идеями наказания и власти, имеющей право судить и карать; пусть

представят себе все растлевающее влияние существования должностей палача, тюремщика, доносчика, — словом, все зло, приносимое этим сложным сооружением, именуемым Законом и Властью. Пусть они вникнут во все это; и тогда они согласятся с нами, что закон и карательные меры — это ужасы, которые должны исчезнуть.

Народы, менее культурные и, следовательно, менее зараженные предрассудками о необходимости власти, прекрасно понимают, что тот, кого называют „преступником“, в сущности говоря, несчастный человек; они знают, что бесцельно сечь, заковывать в цепи, гноить в тюрьмах или приговаривать к смертной казни преступника; надо помогать ему, облегчать его страдания братской заботливостью, обращаться с ним, как с равным, поселить его среди честных людей. Мы надеемся, что будущая Революция крикнет человечеству:

— „Сожжем гильотины, разрушим тюрьмы, прогоним судей, полицейских, доносчиков — все это гнусное отродье; будем обращаться, как с братьями, с теми, которых страсти довели до преступления; лишим всех крупных преступников, эти гнусные продукты буржуазной праздности, возможности выставлять на показ свои пороки под соблазнительными формами, — и тогда в нашем обществе почти не будет преступлений!

Преступлениям способствуют (кроме праздности) Закон и Власть: законы о правах собственности, законы о правительстве, законы о преступлениях и наказаниях и Власть, которая берет на себя обязанность издавать законы и следить за их исполнением”.

Долой законы, долой судей! Свобода, Равенство и Солидарность, — вот те принципы, та неразрушимая плотина, которую мы можем противопоставить антисоциальным инстинктам известной части нашего общества.

Версия #2

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 23 апреля 2025 23:28:28

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 23 апреля 2025 23:30:01